

Владислав Станиславович Раздьяконов

*кандидат исторических наук,
доцент Учебно-научного Центра изучения религий
Российского государственного гуманитарного университета
(Москва, Российская Федерация)*

razdyakonov.vladislav@gmail.com

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ к Н. П. ВАГНЕРУ

Аннотация. Данная статья продолжает тему, затронутую во 2-м выпуске журнала «Неизвестный Достоевский» — взаимоотношения Н. П. Вагнера с Ф. М. и А. Г. Достоевскими. После смерти писателя Н. П. Вагнер обратился с просьбой к вдове разрешить спиритуалистам вызвать дух покойного Ф. М. Достоевского. Эта просьба вызвала тяжелую реакцию А. Г. Достоевской и довела ее до психического расстройства. Письмо А. Г. Достоевской к Н. П. Вагнеру от 25 февраля 1881 года, публикуемое впервые, раскрывает дополнительные детали этого эпизода из жизни Достоевской, описанного в ее воспоминаниях и связанного с деятельностью отечественного сообщества спиритуалистов. В настоящей публикации уделено внимание специфике восприятия спиритического сообщества и практики Достоевской и Вагнером; раскрыты особенности понимания «семьи» в спиритуалистической идеологии и его значение для правильного осмысления данного эпизода в отношениях Достоевской и Вагнера.

Ключевые слова: А. Г. Достоевская, Ф. М. Достоевский, Н. П. Вагнер, спиритизм, семья

Предлагаемое вниманию читателей письмо А. Г. Достоевской было обнаружено автором во время его работы в архиве Музея национальной письменности (Прага, Чехия). Ранее о том, сохранилось ли оно, ничего достоверно не было известно¹, хотя А. Г. Достоевская предполагала, что это письмо находится среди бумаг Н. П. Вагнера². Публикация письма раскрывает дополнительные детали одного примечательного эпизода из жизни вдовы писателя, описанного в главе «Спириты» ее воспоминаний.

22 февраля 1881 года Н. П. Вагнер совершил очередной визит вежливости к Достоевской. В ходе их разговора вдова писателя, отвечая на критическое замечание Вагнера о ее «болезненном виде», отметила, что она не только сильно потрясена смертью мужа, но и в практическом отношении чувствует свою беспомощность: при жизни писателя она всегда с ним согласовывала

свои действия, сейчас же должна принимать решения самостоятельно. Вагнер намекнул, что подобного рода консультация с Ф. М. Достоевским остается возможной — стоит только посетить спиритический сеанс.

История получила продолжение — в письме от 23 февраля 1881 года Вагнер обратился к Достоевской с просьбой разрешить ему вызвать дух покойного писателя, а также предложил ей встретиться с его знакомыми спиритуалистами — Е. Ф. Тыминской, Е. Ф. Смоленской и Е. И. Молоховец. Достоевская приняла его последнее предложение, однако, спиритуалисты произвели на нее крайне негативное впечатление; по-видимому, ей показалось, что они слишком настойчиво стремились привлечь ее к спиритическим занятиям. При встрече она взяла с Н. П. Вагнера обещание: ни при каких обстоятельствах не пытаться вызывать дух покойного писателя.

В тот же вечер, как указывает Достоевская в воспоминаниях, ей и ее дочери приснился один и тот же кошмарный сон, в котором они обе видели Ф. М. Достоевского «мертвенно бледного, с страдальческим лицом, поднимающегося откуда-то, точно из могилы»³. Принимая во внимание такое совпадение снов, Достоевская предположила, что Вагнер нарушил свое обещание, при этом, характерно, что «страдальческое лицо» писателя она интерпретировала как запрет, адресованный именно к ней: «...первая мысль, пришедшая мне в голову была: Н. П., в обществе двух бывших у него спириток, устроил сеанс и приступил к вызову души Федора Михайловича. И вот в это-то мгновение Федор Михайлович и предстал в сновидении пред нами обеими и своим страдальческим видом навсегда запретил мне тревожить его вечный покой»⁴.

В своем письме Вагнеру от 25 февраля 1881 года Достоевская просила его честно сказать ей, занимался ли он вызовом духа покойного писателя. Вагнер в ответ уверял, что он ни при каких условиях не будет без ее разрешения заниматься подобным делом, а также, учитывая, что в письме она, в отличие от воспоминаний, не упоминала о сне дочери, предположил, что ее сон вызван обычным душевным расстройством⁵.

В их заочном диалоге обращает на себя внимание указание Вагнером условия и цели вызова духа покойного писателя: Достоевская должна дать на это действие свое разрешение, в то время как явление Достоевского будет способствовать освобождению от сомнений самого Вагнера. Оба утверждения требуют комментария, поскольку неясно, во-первых, почему спиритуалисты нуждались в подобных разрешениях от родственников, а, во-вторых, почему Вагнеру, имевшему к началу 1880-х годов славу ученого-спирита, требовались подобного рода «подтверждения».

Интуитивно кажется, что такое отношение Вагнера к Достоевской (обязательство не вызывать в ее отсутствии дух ее мужа) свидетельствует исключительно о соблюдении им социальных приличий, однако, у его просьбы есть важное «метафизическое» измерение, обусловленное спецификой восприятия спиритической практики самими спиритуалистами. Действительно, некоторые из спиритуалистов, в частности Вагнер, считали, что

духи не вызываются, а сами приходят к ним на сеансы по своей собственной воле: «Спириты на своих сеансах никогда не вызывают духов. Духи сами добровольно, без всякого принуждения, являются к ним, ибо таков закон общения нашего с духовным миром. Духи не только не призываются на сеансы, но они сами с жадностью стремятся на них с целью заявить миру, что они существовали некогда на земле и существуют теперь»⁶ (см.: [1, 271—274]). К тому же эти духи особо склонны приходить на сеансы к тем, к кому они испытывают свое расположение, а их явление тем более вероятно, чем больше лиц, верящих в возможность подобной коммуникации, присутствует на сеансе. Наконец, также известно, что в сходной ситуации Вагнер оказался как минимум еще один раз, однако в случае со спиритуалисткой Н. М. Бутлеровой он по всей вероятности посчитал, что знает покойного академика А. М. Бутлерова, своего друга со студенческой скамьи, достаточно хорошо, чтобы не спрашивать разрешения для такого вызова у его жены⁷.

По всей вероятности, для Вагнера отношение Достоевской к вызову духа ее покойного мужа имело важное метафизическое значение — такое отношение являлось одним из условий появления духа именно ее мужа. Без такого разрешения шансов на появление именно Достоевского, учитывая, что Вагнер не был близок писателю и более того, судя по переписке с Достоевской, не был уверен в его положительном отношении к себе, было крайне мало. В любом случае, слова явившегося духа не могли бы считаться достаточно убедительными, так как их не смог бы подтвердить человек, который действительно знал Достоевского при его жизни.

Характерно, что на подобное обстоятельство проницательно намекает в воспоминаниях Достоевская: «Возможно, что у них была надежда, что душа Федора Михайловича всего скорее отзовется на мой призыв, на призыв лица, наиболее (кроме его детей) к нему близкого»⁸. Однако остается вопрос: почему же при этом она посчитала, что и без ее участия и, несмотря на ее запрет, спиритуалисты могли совершить задуманное?

Достоевская, в отличие от Вагнера, определяла спиритизм как практику вызова духов. По всей вероятности, она посчитала, что само ее общение со спиритуалистами могло способствовать успеху задуманного ими дела и, значит, она несла часть ответственности за возможно произошедшее. Если Вагнер смотрел на спиритизм как на средство обращения неверующих людей в Православие, для Достоевской он был, как и для большинства ее образованных современников, магической практикой *par excellence*.

При этом важно отметить, что, по ее мнению, если к кому и мог явиться Достоевский, то именно к ней как к самому близкому человеку. Хотя в негативном отношении Достоевской и ее мужа к спиритизму не приходится сомневаться⁹ (можно даже усмотреть такое отношение в характерном описании ею сна) — и она, и Вагнер оба полагали, что умершие могут являться близким людям, с которыми они имели тесную эмоциональную и родственную связь.

Такое особое внимание к родственным узам и семье в целом характерно для спиритуалистической идеологии: именно идеальную семью должен

был напоминать по убеждениям Вагнера идеальный спиритический кружок для того, чтобы прогрессировать в своем развитии (то есть достигать все более сложных явлений духов вплоть до окончательной их материализации). Семья становилась местом, в котором, благодаря положительной эмоциональной привязанности, могла быть не только установлена связь с прошлым, но и прошлое могло хотя бы на несколько мгновений стать настоящим. Именно такая «побеждающая время» семья становилась для спиритуалистов необходимым условием доказательства бессмертия человеческой души. В эпоху, характеризовавшую себя как эпоху кризиса семейных отношений, спиритуализм предлагал еще одну — «опытную» — стратегию их исправления.

Что касается сомнения Вагнера, то оно также, по всей видимости, не является всего лишь риторическим приемом, направленным на убеждение Достоевской посредством позиционирования себя как слабого существа, отдающего ее женской опеке. Для спиритического дискурса тема религиозного обращения является во многом определяющей — спиритический сеанс рассматривается как место, в котором, благодаря соприкосновению участников с «миром духов», завязанные материалисты и атеисты становятся верующими людьми. При этом обращение трактуется как «подтверждение», освобождающее человека от сомнений, прежде всего, в реальности существования духовного мира. Такое обращение становилось тем более вероятным, если ему способствовал авторитетный дух, сам при жизни негативно относившийся к спиритуализму.

Особое значение такие «подтверждения» имели для ученых-спиритов, хорошо знакомых с научными исследованиями эпохи, во многом ориентированной на эмпиризм как методологическую программу построения научного знания. На волне внутринаучной полемики по поводу медиумических явлений известная проблема индукции приобретала для них особую остроту: спиритуалистам оказывалось недостаточно уже проведенных опытов — им требовались новые, однако, по крайней мере в случае Вагнера, проведение их было связано с определенными сложностями, ограничивающими степень их убедительности. Переписка Вагнера и Достоевской позволяет предположить, что эти опыты имели значимое социальное измерение — их успех был напрямую связан с отношением к ним близких людей умерших.

Здесь проходит еще одна важная граница, разделяющая Достоевскую и Вагнера в их отношении к спиритизму. Достоевская была шокирована тем, что спиритуалисты относились к эмоциям как к особому инструменту, при помощи которого может быть подтверждено существование бессмертной души. Она заочно упрекнула Вагнера в таком инструментальном отношении: «...как мог он желать воспользоваться моим настроением и подвергать меня риску какой-нибудь катастрофы»¹⁰. В свою очередь Вагнер смотрел на эмоции как на часть «естественного мира» и, таким образом, изгонял их из личного пространства человека. В конечном счете, эмоции

должны были служить общему делу, а значит, и объект, на который они были направлены, не мог быть присвоен кем-либо одним.

С точки зрения спиритуалистов Ф. М. Достоевский после его перехода в другой мир становился общим достоянием, к которому должны были иметь доступ все желающие. Упрямство Достоевской, от которой технически зависело такое соединение, должно было свидетельствовать, по их мнению, о ее эгоизме. Так, широкое позитивистско-спиритуалистическое понимание «семьи» Вагнером как группы, объединенной эмоцией и идеей, сталкивалось с романтическим отношением Достоевской к семье как к группе, объединенной, прежде всего, личной памятью.

ПИСЬМО А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ — Н. П. ВАГНЕРУ
от 25 февраля 1881 года

25 Февр<аля>
1881 г<ода>

Многоуважаемый
Николай Петрович!

Сегодня ночью со мной случилось нечто странное: Я легла спать в 11 час<овъ> съ боязнью не то воровъ, не то чего-то неизвѣстнаго. Съ полчаса я вспоминала и думала о Ѳедорѣ Михайловичѣ, а затѣмъ крѣпко заснула. Черезъ часъ меня разбудила моя старушка мать прося меня успокоиться.

Оказалось, что я вдругъ стала ужасно, дико кричать, такъ что слуги успѣли прибѣжать черезъ три комнаты прежде чѣмъ меня разбудили. Пришла я въ себя страшно испуганная и съ сильно бьющимся сердцемъ. Я стала припоминать что я видѣла во снѣ, но припомнила <л. 1> ясно лишь то, что видѣла<:> Ѳедорѣ Михайловичѣ откуда-то приподнимается, съ темнымъ и страшно-грустнымъ лицомъ. Остальныхъ обстоятельствъ не помню. Видѣла я его ровно безъ 20 минутъ часъ. Первая моя мысль когда я немного успокоилась — была: не являлся-ли онъ Вамъ въ эту минуту, не дѣлали ли Вы попытокъ вызвать его. Напишите мнѣ одно слово, но непременно правду.

Простите меня, можетъ быть Вы сочтете мой испугъ за пустяки, но я такъ встревожена и придаю этому большое значеніе. Пожалуста никому не говорите объ этомъ. Сегодня я позову доктора и попрошу его мнѣ что-либо посоветовать. Я прежде никогда во снѣ не < л. 1 об.> разговаривала и не кричала, а теперь сильно боюсь что это будетъ со мной повторяться и я могу перепугать на-смерть моихъ дѣтей, особенно дѣвочку, которая и безъ того впечатлительна.

Простите за безтолковое письмо, но у меня вся ночь прошла въ такихъ кошмарахъ, что голова кажется не въ порядкѣ.

*Остаюсь уважающая Васъ
А.<.> Достоевская <л. 2>*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., напр., примечание к недавно вышедшему в печати первому полному изданию воспоминаний А. Г. Достоевской: «Местонахождение письма А. Г. Достоевской к Вагнеру неизвестно» [4, 741].
- ² Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846—1917 / Вступит. статья, подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М. : ООО «Бослен», 2015. С. 477.
- ³ Там же. С. 476.
- ⁴ Там же. С. 477.
- ⁵ См. публикацию переписки Вагнера и семьи Достоевских : Ф. М. Достоевский, Н. П. Вагнер, А. Г. Достоевская: переписка // Неизвестный Достоевский [Электронный ресурс] : международный электронный журнал. 2015. № 2. С. 14—36. URL : http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754240.pdf (10.11.2015).
- ⁶ Вагнер Н. П. Что такое спиритизм? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М. : РАНХиГС, 2015. №4 (33). С. 292.
- ⁷ Вагнер просил разрешения у Н. М. Бутлеровой на публикацию писем духа Бутлерова. См. подробнее : [2, 175].
- ⁸ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 474—475.
- ⁹ Последнее по времени описание контактов Достоевского и отечественных спиритуалистов см. : [3, 280—298].
- ¹⁰ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 477. Говоря о «катастрофе», скорее всего, Достоевская имеет в виду ее возможное психическое расстройство, к которому, по мнению многих практикующих врачей той эпохи, вели занятия спиритизмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Раздъяконов, В. С. Предисловие к публикации / В. С. Раздъяконов // Вагнер, Н. П. Что такое спиритизм? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — М. : РАНХиГС, 2015. — № 4 (33). — С. 271—274.
2. Раздъяконов, В. С. «Наука» и «религия» в эпистемологии отечественных спиритуалистов: трансформация классической науки в конце XIX столетия / В. С. Раздъяконов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — М. : РАНХиГС, 2015. — № 4 (33). — С. 175—203.
3. Тихомиров, Б. Н. Достоевский на спиритическом сеансе: к истории одной «угасшей» темы в «Дневнике писателя» / Б. Н. Тихомиров // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2013. (Dostoevsky Monographs; — вып. 4.). — С. 280—298.
4. Тихомиров, Б. Н. Примечания / Б. Н. Тихомиров // Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846—1917. — М. : ООО «Бослен», 2015. — С. 697—765.

Дата поступления в редакцию: 16.11.2015